

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2022, № 2 (114), с. 33–57

О.В. Кузнецова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ В КРИЗИСНЫЕ И ПОСТКРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ

Статья является научным обзором, в котором обобщаются результаты зарубежных и российских исследований по особенностям и закономерностям развития регионов страны в кризисные и посткризисные периоды. Показывается, что теоретической основой изучения данного вопроса является активно развиваемая за рубежом с 2010-х годов концепция региональной шокоустойчивости (regional resilience), анализируются ее особенности по отношению к теориям регионального роста и исследованиям экономической безопасности. Обобщаются факторы, влияющие на устойчивость регионов к экономическим кризисам: особенности системы расселения регионов (соотношение городского и сельского населения) и их место в системе расселения (положение по отношению к крупным городским агломерациям), структура экономики регионов (степень ее диверсификации, особенности специализации, структуры занятости), инновационный потенциал и качество человеческого капитала, сплоченность местного сообщества, качество публичного управления. Отмечаются стабильность различий между регионами по их шокоустойчивости, в том числе соответствие особенностей пространственного развития регионов в текущий кризис (связанный с пандемией COVID-19) ранее выявленным закономерностям, и негативные последствия кризисов в виде дивергенции регионов и сокращения инклюзивности экономического роста. Обсуждаются вопросы трансформирования государственной политики пространственного развития в кризисные периоды и возможности управления региональной шокоустойчивостью.

Ключевые слова: региональная шокоустойчивость; система расселения; структура экономики; человеческий капитал; качество управления; региональная политика

Для цитирования: *Кузнецова О.В.* Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 2 (114). – С. 33–57. DOI: 10.15372/REG20220202.

В 2020 г. мировая и российская экономика столкнулась с новым экономическим кризисом, вызванным пандемией COVID-19 и ставшим еще одним вызовом для государственной политики пространственного развития, поскольку кризисные явления неизбежно по-разному проявляются в разных регионах. Несмотря на уже долгую историю исследований по дифференциации регионов в отношении динамики их социально-экономического развития, работ обобщающего характера именно по кризисным периодам пока немного, причем как в российской, так и в зарубежной науке*.

Основная цель данной статьи – обобщить результаты зарубежных и российских исследований последних десяти с небольшим лет по особенностям и закономерностям развития регионов страны в кризисные и посткризисные периоды. Выбор таких временных рамок определяется тем, что кризис 2009 г. стал первым мировым кризисом, произошедшим в, условно, современных обстоятельствах: при сложившемся уровне технологического развития, глобализации, информатизации.

В ходе обобщения результатов научных исследований мы стремились найти ответы на следующие вопросы: как соотносятся темпы экономического спада/роста регионов разных типов в острую фазу кризиса и при выходе из него, увеличиваются ли при этом или уменьшаются межрегиональные диспропорции; какие факторы определяют экономическую динамику в отдельных регионах в кризисные и пост-

* О развитии российских регионов в 1990-е годы речь не идет, поскольку это была совершенно особая ситуация перехода от плановой экономики к рыночной.

кризисные периоды; может ли кризис стать толчком к позитивным преобразованиям в экономике регионов; как трансформируется в кризисы госполитика пространственного развития.

КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ

В зарубежной науке с началом кризиса 2009 г. стали активно развиваться исследования, посвященные явлению, обозначаемому как «regional resilience». Дословный перевод этого термина – «региональная устойчивость», он и используется в ряде работ [2; 8; 15]. Однако поскольку понятие устойчивого развития закрепилось за словосочетанием «sustainable development», предлагаются другие варианты перевода: «резилиентность» [7; 17], «стрессоустойчивость» [12] (последний активно используется в политологии [11]). Нам кажется наиболее удачным термин «региональная шокоустойчивость» [3] (РШ), связывающий данное явление экономическими шоками, а не стрессами.

Концепция РШ, как и многие другие вопросы пространственного развития, разрабатывается специалистами по региональной экономике и экономико-географами. В настоящее время признается, что целостная концепция РШ еще не сложилась. Есть статьи, полностью посвященные анализу подходов к пониманию РШ [44; 46]. Не вдаваясь в детали, отметим, что под РШ понимается способность регионов противостоять разного рода шокам, которые могут быть не только экономическими, но и любыми другими: природными (стихийные бедствия), техногенными (аварии), биологическими (эпидемии) и т.д. Противостояние шокам предполагает «способность предвидеть, предотвращать, сопротивляться, абсорбировать, реагировать, адаптироваться и восстанавливаться» [3, с. 6].

Особое внимание уделяется анализу РШ при общеэкономических кризисах. В простом виде реакция регионов на шоки оценивается по глубине экономического спада (или отсутствию такового) и времени выхода на прежний (докризисный) уровень развития. При этом используется традиционный набор статистических показателей (ВВП,

уровень безработицы и др.). Углубленный анализ РШ подразумевает оценку изменений в структуре и траектории развития экономики региона [36].

В России работ, которые были бы связаны с regional resilience (независимо от перевода термина), относительно немного. На наш взгляд, одна из возможных причин этого в том, что в России близкие по своей сути исследования стали развиваться в рамках темы экономической безопасности регионов. В англоязычной литературе, напротив, публикации по economic security найти сложно. Однозначного понимания термина «экономическая безопасность» тоже нет, работа над его концептуализацией ведется [18]. Как нам представляется, в рамках проблемы экономической безопасности, как и проблемы РШ, подразумевается обеспечение устойчивости регионального развития, но гораздо больше внимания уделяется постоянно действующим (а не краткосрочным) угрозам стабильности развития, а также независимости экономики.

Еще один обсуждаемый вопрос – является ли концепция РШ чем-то принципиально новым в теории или нет (пример второго подхода – работа [38]). Действительно, как будет показано ниже, выделяемые факторы РШ не являются новыми для региональных исследований, изучение факторов развития территорий объединяет концепции РШ и регионального роста. Но и принципиальные различия между ними существуют. В теориях регионального роста основной интерес исследователей связан с выявлением средне- и долгосрочных трендов развития регионов, больше внимания уделяется соотношению динамики развития разных регионов (взаимоотношениям центра и периферии, конкуренции регионов за мобильные факторы производства). В концепциях РШ каждый регион сравнивается с его предыдущим состоянием, а не с другими регионами (что не отменяет рассмотрение региона как открытой системы).

На наш взгляд, концепция РШ вполне может претендовать на то, чтобы быть самостоятельным направлением научных исследований, хотя бы в силу своей высокой прикладной значимости: разработка мер по смягчению и преодолению последствий кризисов, основанная на понимании различий между регионами по их шокоустойчивости,

является самостоятельной задачей для органов власти. Возможно, РШ стоит рассматривать как один из элементов экономической безопасности, требующий особого управления.

ТИПЫ РЕГИОНОВ ПО ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ

Эмпирические исследования РШ обычно основываются на сопоставлении динамики развития регионов с общестрановой. Регионы принято разделять на четыре группы (типа):

- регионы, где в кризис (обычно кризисный год) экономического спада не было;
- регионы, которые к моменту возвращения экономики страны на докризисный уровень (посткризисный период) также успели вернуться к своему докризисному уровню;
- регионы, где происходит экономический рост, но докризисного уровня развития к концу посткризисного периода достичь еще не удалось;
- регионы, где продолжается экономический спад.

Далее мы будем называть их регионами без спада (или устойчивыми), восстановившимися, восстанавливающимися и с продолжающимся спадом. Бывает, что первые две группы регионов объединяют в устойчивые, вторые две – в неустойчивые [8].

В проводившихся в ЕС исследованиях последствий кризиса 2009 г. деление регионов на типы по шокоустойчивости накладывалось на другие существующие в ЕС типологии регионов. С точки зрения дискуссии вокруг стратегии пространственного развития России наиболее интересны типологии, связанные с системой расселения (см. таблицу).

Крупнейшие города и агломерации часто относятся к категории восстановившихся регионов, т.е. испытавших спад экономики, но быстро вернувшихся на прежние позиции (об этом говорится также в [25]). Это во многом связано с тем, что сами кризисы начинались именно с крупнейших городов: кризис 2009 г. стартовал с проблем на рынке недвижимости, гораздо более развитом в ключевых городах;

Дифференциация регионов ЕС (уровня NUTS 3) по условному коэффициенту шокоустойчивости в кризис 2009 г.

Типы регионов по системе расселения	Типы регионов по шокоустойчивости			
	Без спада	Восстановившиеся	Восстанавливающиеся	С продолжающимся спадом
<i>Типология по городскому/сельскому населению</i>				
Преимущественно городские	1,06	1,41	1,02	0,65
«Промежуточные» рядом с городом	1,32	0,99	0,96	0,88
«Промежуточные» удаленные	0,00	0,67	1,34	1,45
Преимущественно сельские рядом с городом	0,98	0,97	0,99	1,04
Преимущественно сельские удаленные	0,11	0,36	1,06	1,86
<i>Типология по метрополитенским ареалам</i>				
Столичные регионы	1,15	1,51	0,84	0,68
Метрополитенские регионы второго порядка	1,66	0,99	1,05	0,64
Малые метрополитенские регионы	1,42	1,10	1,00	0,72
Неметрополитенские регионы	0,73	0,92	1,01	1,19

Примечание: коэффициент больше 1 свидетельствует о повышенной доле территории соответствующего типа, меньше 1 – о пониженной доле.

Источник: составлено по [32].

распространение COVID-19 было связано в первую очередь с крупнейшими городами в силу интенсивности международных контактов и высокой плотности населения. Наибольшая степень устойчивости оказалась характерна для регионов, «промежуточных» по соотношению городского и сельского населения и расположенных при этом вблизи значимых городских центров (позитивная роль маятниковых миграций выявлена также в [21]), и так называемых вторых городов

(на них обращается внимание также в [50]). Доминирование сельского населения и, главное, удаленность от значимых городских центров – факторы попадания регионов в восстанавливающиеся или с продолжающимся спадом. Конечно, принадлежность региона к тому или иному типу по месту в системе расселения не предполагает однозначного его попадания в определенный тип по РШ, на деле картина гораздо сложнее [52], что определяется в том числе множественностью рассматриваемых ниже факторов РШ.

В России удалось найти только одно исследование, автор которого придерживался бы деления регионов на четыре названных типа по РШ [15]; анализ был проведен по двум кризисам – 2009 и 2015 гг. Российская статистика позволяет проводить анализ только в разрезе субъектов РФ, поэтому для регионов с крупными агломерациями в регрессионные уравнения были введены фиктивные переменные. Получилось, что крупные агломерации характерны для регионов без спада или восстановившихся, но не гарантируют устойчивость (т.е. ситуация аналогична европейской). Для российских регионов незначимым фактором оказалась доля городского населения, что тоже неудивительно: в ЕС ситуация в преимущественно сельских регионах рядом с городами лучше, чем в «промежуточных» периферийных.

ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ

Выявлению факторов РШ посвящено значительное число научных работ, носящих как эмпирический характер (основывающихся на построении эконометрических моделей), так и концептуальный (яркий пример – работа [20]).

Важнейшим фактором, способствующим повышению РШ, признается высокая степень диверсификации экономики регионов [33; 36; 45; 50; 51]. Кризис не затрагивает разные отрасли в одинаковой степени; чем диверсифицированнее экономика региона, тем выше вероятность того, что спад в наиболее пострадавших от кризиса отраслях будет компенсирован или хотя бы смягчен относительно благоприятной ситуацией в других. Очевидно, что более крупные по

численности населения регионы чаще имеют диверсифицированную структуру экономики, нежели небольшие (и это одно из объяснений повышенной устойчивости крупных городских агломераций).

Специализация экономики регионов тоже вносит вклад в формирование их шокоустойчивости, но однозначно говорить о «хорошей» или «плохой» специализации невозможно. Так, нет очевидной зависимости РШ от соотношения производственного сектора и сферы услуг. Последняя больше подержана кризисным явлениям, однако гораздо быстрее адаптируется к новым условиям [31] (ситуация с COVID-19 стала ярким тому подтверждением). Падение спроса на товары в кризис может быть меньше по сравнению со спросом на услуги, но трансформация производства – гораздо более сложная задача [37; 43].

Проявляются различия между выпуском товаров повседневного спроса и товаров длительного пользования. Специализация на производстве последних может вести к сильному спаду в кризис, но посткризисное восстановление нередко бывает быстрым. Самый обсуждаемый пример такой отрасли – автопром [40; 51]. Производства товаров длительного пользования обычно более сложные, нежели производства товаров повседневного спроса, и чаще размещаются в экономически развитых регионах. Вместе с тем такие регионы выигрывают от специализации на динамично развивающихся, высокотехнологичных производствах с высоким уровнем производительности труда, которые в кризисные периоды оказываются в более благоприятном положении [21; 27]. В «ковидный» кризис примером такой отрасли стала фармацевтика.

Важное значение имеют особенности занятости населения из-за разных масштабов сокращения в кризис численности разных категорий работников. Более устойчиво положение занятых в бюджетном секторе экономики, а не частном [43; 50], в штаб-квартирах крупных компаний, а не их территориальных подразделениях [41], на постоянных должностях, а не по временным контрактам [43].

Другой, наряду с диверсификацией экономики, общепризнанный фактор РШ – высокий инновационный потенциал региона [20; 22; 36; 50], который связан как со структурой экономики, так и с еще одной

группой факторов РШ – человеческим капиталом. Причем если особенности структуры экономики больше влияют на глубину спада (или его отсутствие) непосредственно в кризис, то инновационный потенциал и качество человеческого капитала больше определяют скорость выхода из кризиса. Высокий уровень их развития позволяет быстрее адаптироваться к новым условиям [37].

Исследователи обращают также внимание на настрой местного сообщества в отношении преодоления кризиса. Перспективы выхода региона из кризиса ухудшаются, если население настроено на переезд в более благополучные регионы, и, напротив, улучшаются при сплоченности местного сообщества и настрое на поиск путей выхода из кризиса [23; 36; 39; 50], причем формы коллективного ответа на вызовы кризиса могут быть весьма разнообразными [42]. На этой основе делаются предположения, что доминирование в регионе предпринимателей местного происхождения может способствовать повышению РШ, однако статистически значимость этого фактора подтвердить не удается [41].

Значимым фактором РШ является качество публичного управления. В кризис оно определяется способностью органов власти оперативно принимать грамотные решения, налаженностью взаимодействия между органами публичной власти разных иерархических уровней, согласованностью предпринимаемых ими усилий [36]. В идеале желателен общественный договор между населением, предпринимательским сообществом и органами власти (пример – кампания «покупай местное») [50].

Важной выявленной закономерностью является стабильность дифференциации регионов по их шокоустойчивости в разные кризисы [29; 33].

В российских исследованиях факторы дифференциации регионов по динамике их развития в кризисные периоды также обсуждаются, но часто внимание уделяется только острой фазе кризиса [4–6; 13; 19]. В целом, в России имеют место те же самые закономерности, что и за рубежом: дифференциация регионов в кризисы 2009 и 2015 гг. во многом совпала [15]; динамика развития регионов в кризисные годы во многом является региональной проекцией отраслевой дина-

мики [6; 8; 13; 16]; определенный вклад в обеспечение РИШ вносит государственная экономическая политика [4; 5; 19]. Отличие состоит в отсутствии очевидной зависимости шокоустойчивости российских регионов от уровня их инновационного развития, что, предположительно, связано с пониженной ролью инновационного сектора в российской экономике в целом [15].

ОСОБЕННОСТИ «КОВИДНОГО» КРИЗИСА

Подводить окончательные итоги «ковидного» кризиса преждевременно, но первые выводы сделать уже можно. Основной состоит в том, что несмотря на нестандартную причину кризиса (с точки зрения экономики это ограничения на ведение хозяйственной деятельности, закрытие границ государств), многие закономерности развития регионов в 2020 г. были типичными для острой фазы кризиса.

Очевидно, что ситуация в регионах во многом определялась возможностями перейти на удаленный режим работы и развивать онлайн-форматы деятельности. Эти возможности, в свою очередь, зависят от структуры экономики (выше в регионах с высокой долей сложных услуг), инновационного потенциала (готовности населения и предприятий к новым форматам работы), уровня развития цифровой инфраструктуры. В результате, как и в прежние кризисы, в более благоприятной ситуации оказались регионы с более высокими уровнем экономического развития и квалификацией кадров, проявились традиционные контрасты по линии город – село [34; 48; 51]. Так, даже в ОЭСР разрыв между регионами одной страны по доле людей, которые могут перейти на удаленную работу, в среднем составлял 15 п.п. (а в отдельных странах доходил до 20 п.п.), между столичным и остальными регионами – 8 п.п. [49].

То, что отнюдь не крупнейшие города оказались самыми пострадавшими в кризис, довольно быстро стало очевидным и в России. Уже в первые месяцы кризиса стало понятно, что их способность быстро адаптироваться к новым условиям может перевесить пришедший на них удар пандемии [10].

Как и в прежние кризисы, в «ковидный» проявились традиционные различия между производством товаров повседневного спроса и товаров длительного пользования [51].

Нестандартность «ковидного» кризиса – в негативном влиянии закрытых границ на приграничные регионы, особенно европейские, а также в уязвимости регионов, сильно зависящих от участия в международных цепочках создания стоимости (из-за срыва поставок из стран, где объявлялся локдаун) [51].

КРИЗИС КАК ИСТОЧНИК ПОЗИТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ?

Обсуждая последствия экономических кризисов, многие специалисты говорят не только о связанных с ним проблемах, но и об открывающемся «окне возможностей» [1], поскольку кризис заставляет либо отказываться от переставшего работать устаревшего, либо активнее внедрять новое. Связанные с кризисами позитивные изменения, очевидно, существуют: в России девальвация 1998 г. и антироссийские санкции 2014 г. дали толчок импортозамещению, пандемия COVID-19 ускорила развитие информационных технологий. Происходили изменения в лучшую сторону и в российской экономической политике: в кризис 2009 г. появилась федеральная поддержка моногородов (прежде федеральные власти почти не работали с муниципальными образованиями), активнее стали применяться меры поддержки инвесторов. «Ковидный» кризис заставил пойти на децентрализацию в принятии управленческих решений [1], пусть еще не подкрепленную бюджетными решениями.

Однако отрицательные последствия кризиса – экономический спад, сокращение инвестиций – перевешивают его оздоравливающий эффект. Для пространственного развития серьезным негативным последствием оказался переход от конвергенции регионов к их дивергенции. В зарубежных публикациях очень часто обращается внимание на то, что кризис 2009 г. перечеркнул многолетние усилия по сближению уровня развития европейских регионов как в целом, так и в отдельных странах [27; 30], в 2010-е годы дивергенция не остано-

вилась, и кризис 2020 г. ее, скорее всего, только усилит [24]. Об увеличении межрегиональной дифференциации темпов роста в кризисных условиях говорится и в российских исследованиях [10; 16; 19].

Основная причина дивергенции регионов в кризисные периоды состоит в том, что провоцируемая кризисом модернизация экономики идет в первую очередь в экономически развитых регионах, где для этого больше возможностей. Например, проводившийся в России анализ внедрения удаленного обучения в вузах страны в пандемию показал, что вузы более высокого уровня (в экономически развитых регионах) оказались гораздо лучше готовы к использованию новых технологий, нежели менее статусные [9].

Другое важное негативное последствие кризисов – сокращение инклюзивности экономического роста в отдельных регионах (рост расслоения населения по доходам и др.), происходящее и за рубежом [52], и в России [2]. Последствия «ковидного» кризиса, скорее всего, будут такими же.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КРИЗИС

Обострение проблем межрегиональной дифференциации в кризисы заставляет предположить, что значимость госрегулирования пространственного развития в кризисы возрастает, однако на деле картина неоднозначная. Прежде всего, динамика государственных расходов не является однонаправленной: с наступлением кризиса они обычно заметно увеличиваются, в результате возникают «ножницы» между доходами и расходами, и после завершения острой фазы кризиса происходит сокращение бюджетных расходов ради стабилизации бюджетной системы страны [28; 50]. Сокращаются и масштабы региональной политики: в ЕС ее бюджеты на 2011 г. были урезаны в восьми из 15 стран, в пяти остались на том же уровне и только в двух выросли [47].

Важно также учитывать, что под региональной политикой за рубежом понимается самостоятельное направление политики национальных властей (со своими бюджетом, инструментами), нацеленное на обеспечение развития отдельных регионов, при этом граница меж-

ду региональной политикой и всеми остальными мерами госрегулирования экономики очень условна. Это было хорошо показано на примере автопрома в США [40]. США – страна децентрализованной модели федерализма, где существующая федеральная поддержка регионов как региональная политика не позиционируется. Авторы работы [40] показывают, что в кризис декларировалась поддержка автопрома ради отрасли, экономики в целом, но фактически она осуществлялась ради регионов.

Иначе говоря, возрастание бюджетных расходов в острую фазу кризиса происходит по разным направлениям социально-экономической политики властей, средства могут идти в регионы с разным уровнем развития. Это справедливо и в отношении России: составить полную картину распределения федеральных средств по регионам невозможно.

УПРАВЛЕНИЕ ШОКОУСТОЙЧИВОСТЬЮ

Неизбежность разного рода шоков и кризисов заставляет исследователей поднимать вопрос о возможности управления региональной шокоустойчивостью – о разработке и реализации мер, позволяющих смягчать проявления кризисов. В предложениях по управлению РШ можно выделить два их направления: повышение готовности к кризисам и собственно повышение РШ.

Необходимость первого направления очевидна: полностью избежать шоков невозможно, поэтому важно создать систему управления, способную максимально оперативно и эффективно отвечать на вызовы кризисов. Для этого требуются налаженное взаимодействие органов власти разных иерархических уровней, создание резервов, заранее просчитанные различные сценарии развития и др. [3; 36]. Многие эти меры важны для решения и других управленческих задач.

С повышением РШ ситуация не столь очевидна. Есть факторы РШ, улучшение которых однозначно дает позитивные результаты и для РШ, и для развития регионов в целом. Это повышение качества управления, развитие человеческого капитала. Но один из важнейших факторов РШ – диверсификация экономики не всегда обеспечивает

экономический рост, у специализации есть свои преимущества [14]. Экономика небольших регионов (тем более населенных пунктов), северных территорий априори не может быть сильно диверсифицированной.

В связи с «ковидным» кризисом особо обращают внимание на такой риск для РШ, как открытость региональной экономики, вовлеченность в глобальные цепочки добавленной стоимости (хотя об этом говорилось и раньше – см. [31]). В ЕС стали даже звучать предложения о большей локализации производства. В России вопросы о самообеспечении регионов давно поднимаются в рамках темы экономической безопасности, в том числе продовольственной. Очевидно, что и в данном случае нужно искать оптимальный баланс между открытостью экономики и ее независимостью.

ВЫВОДЫ

Обобщая результаты проведенных научных исследований, важно прежде всего отметить, что характер межрегиональных различий в многолетней динамике социально-экономического развития регионов и в динамике в кризисные периоды различается. Исследователи особо обращают внимание на то, что крупнейшие городские агломерации, относясь к числу наиболее экономически развитых территорий, сильно уязвимы к кризисным явлениям, но быстро восстанавливаются. Из этого следуют два важных вывода.

Во-первых, ситуация в кризис, особенно в острую его фазу, не может служить основой для прогнозирования тенденций пространственного развития в долгосрочной перспективе. Например, удар пандемии COVID-19 по крупнейшим городам привел к публикациям об открывающихся возможностях для периферийных территорий [26], однако глубинный анализ показывает, что крупнейшие городские агломерации вряд ли утратят свою роль в пространственной структуре экономики [35].

Во-вторых, изучение особенностей регионального развития в кризис – это действительно отдельное направление для научных исследо-

ваний: концепции РШ имеют самостоятельное значение по отношению к теориям регионального роста.

Оба этих вывода подтверждаются и тем, что дифференциация регионов по их шокоустойчивости остается стабильной от кризиса к кризису.

В управлении шокоустойчивостью можно выделить два направления: собственно повышение РШ и создание системы управления, позволяющей оперативно реагировать на возникающие вызовы. Последнее подразумевает наличие вариативности в сценариях развития региона, формирование финансовых резервов для борьбы с кризисными явлениями, готовность органов власти к принятию оперативных решений. С повышением РШ ситуация сложнее, поскольку ряд мер – диверсификация экономики, снижение ее открытости – могут противоречить задачам экономического роста, поэтому нужен поиск сбалансированных решений. Но меры, связанные с повышением качества человеческого капитала, однозначно необходимы.

Для национальной политики пространственного развития экономические кризисы являются дополнительным вызовом, поскольку обычно приводят к переходу от конвергенции регионов к их дивергенции, а некоторый оздоравливающий эффект кризисов перевешивается их негативными последствиями. Масштабы государственной поддержки экономики в кризис обычно (если позволяют ресурсы) возрастают, средства неизбежно концентрируются на решении острых социальных проблем и в наиболее пострадавших секторах экономики. Позиционируется ли такая поддержка как часть региональной политики или нет – зависит от национальных традиций.

Для российских властей важным выводом зарубежных исследований является повышенная шокоустойчивость, условно, срединных территорий и вторых городов. На наш взгляд, это еще один аргумент в пользу того, что именно территории со средним уровнем развития должны быть в центре внимания федеральных властей: потенциал развития таких территорий явно недоиспользуется (в сравнении с регионами-лидерами), и потенциал этот очевидно существует (в отличие от многих наиболее проблемных территорий).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-110-50501 «Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды»)

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 223. – С. 47–69. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-47-69.
2. Баринаева В.А., Земцов С.П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 1. – С. 23–36. DOI: 10.15372/REG20190102.
3. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. – 2020. – № 3. – С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1.
4. Земцов С.П., Михайлов А.А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. – 2021. – Т. 28, № 4. – С. 34–45.
5. Зубаревич Н.В. Региональная проекция нового экономического кризиса // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С. 37–52. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-4-37-52.
6. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. – 2020. – № 2. – С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
7. Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А. Региональная резилентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187.
8. Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 46–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64.
9. Кокищаров В.А., Сандлер Д.Г., Кузнецов П.Д., Клягин А.В., Лешуков О.В. Пандемия как вызов развитию сети вузов в России: дифференциация или кооперация? // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. – 2021. – № 1. – С. 52–73. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-52-73.
10. Коломак Е.А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. – 2020. – № 12. – С. 143–153. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-12-143-153.
11. Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Под ред. Т.А. Романовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. – 312 с.

12. *Матвеева Е.В., Гоосен Е.В., Никитенко С.М., Митин А.А.* Индикаторы стрессоустойчивости Кузбасса в условиях пандемии 2020 г. (на материалах экспертных оценок) // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 7. – С. 86–96. DOI: 10.21209/2227924520202678696.

13. *Минакир П.А.* Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 7–22. DOI: 10.14530/se.2020.4.007-022.

14. *Михеева Н.Н.* Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 4 (92). – С. 196–217. DOI: 10.15372/REG20160409.

15. *Михеева Н.Н.* Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 1. – С. 116–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118.

16. *Михеева Н.Н.* Экономическая динамика российских регионов: кризисы и пути восстановления роста // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 56–79. DOI: 10.15372/REG20190203.

17. *Одинцова А.В.* От стратегического планирования к территориальной резилентности // Федерализм. – 2020. – Т. 25, № 4 (100). – С. 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41.

18. *Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России* / Под ред. Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. – 267 с.

19. *Храмова М.Н., Рязанцев С.В.* Реакция российского рынка труда на «первую» и «вторую» волны пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. – 2021. – № 3. – С. 61–73 DOI: 10.26653/2076-4650-2021-3-05.

20. *Boschma R.* Towards an evolutionary perspective on regional resilience // *Regional Studies*. – 2015. – Vol. 49, No. 5. – P. 733–751. DOI: 10.1080/00343404.2014.959481.

21. *Brakman S., Garretsen H., van Marrewijk C.* Regional resilience across Europe: on urbanisation and the initial impact of the great recession // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. – 2015. – No. 8. – P. 225–240. DOI: 10.1093/cjres/rsv005.

22. *Bristow G., Healy A.* Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis // *The Annals of Regional Science*. – 2018. – Vol. 60, No. 5. – P. 265–284. DOI: 10.1007/s00168-017-0841-6.

23. *Bristow G., Healy A.* Regional resilience: an agency perspective // *Regional Studies*. – 2014. – Vol. 48, No. 5. – P. 923–935. DOI: 10.1080/00343404.2013.854879.

24. *Capello R., Caragliu A.* Regional growth and disparities in a post-COVID Europe: a new normality scenario // *Journal of Regional Science*. – May 2021. – P. 1–18. DOI: 10.1111/jors.12542.

25. *Capello R., Caragliuy A., Fratesi U.* Spatial heterogeneity in the costs of the economic crisis in Europe: are cities sources of regional resilience? // *Journal of Economic Geography*. – 2015. – Vol. 15, No. 5. – P. 951–972. DOI: 10.1093/jeg/lbu053.

26. *Cotella G., Vitale Brovarone E.* Questioning urbanisation models in the face of Covid-19 // *Tema. Journal of Land Use, Mobility and Environment*. – 2020. – Spec. Iss.: COVID-19 vs CITY-20. – P. 105–118. DOI: 10.6092/1970-9870/6869.

27. *Cuadrado-Roura J.R., Maroto A.* Unbalanced regional resilience to the economic crisis in Spain: a tale of specialisation and productivity // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. – 2016. – Vol. 9, No. 1. – P. 153–178. DOI: 10.1093/cjres/rsv034.

28. *Davis S., Kah S., Woods C.* Regional Dimensions of Financial and Economic Crisis / *European Policy Research Paper*. No. 70. – Glasgow, 2010. – 66 p.

29. *Di Caro P., Fratesi U.* Regional determinants of economic resilience // *The Annals of Regional Science*. – 2018. – Vol. 60, No. 2. – P. 235–240. DOI: 10.1007/s00168-017-0858-x.

30. *Dijkstra L., Garcilazo E., McCann P.* The effects of the global financial crisis on European regions and cities // *Journal of Economic Geography*. – 2015. – Vol. 15, No. 5. – P. 935–949. DOI: 10.1093/jeg/lbv032.

31. *Diodato D., Weterings A.B.R.* The resilience of regional labour markets to economic shocks: exploring the role of interactions among firms and workers // *Journal of Economic Geography*. – 2015. – Vol. 15, No. 4. – P. 723–742. DOI: 10.1093/jeg/lbu030.

32. *Economic Crisis: Resilience of Regions*. Scientific Report / *ESPN 2013 Programme*. – ESPON & Cardiff University, 2014. – 280 p.

33. *Eriksson R., Hane-Weijman E.* How do regional economies respond to crises? The geography of job creation and destruction in Sweden (1990–2010) // *European Urban and Regional Studies*. – 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 87–103. DOI: 10.1177/0969776415604016.

34. *EU Annual Regional and Local Barometer*. 2020. – Brussels, 2020. – 142 p. DOI: 10.2863/76115.

35. *Florida R., Rodríguez-Pose A., Storper M.* Cities in a post-COVID world // *Urban Studies*. – June 2021. – P. 1–23. DOI: 10.1177/00420980211018072.

36. *Giacometti A., Teräs J., Perjo L., Wøien M., Sigurjonsdottir H., Rinne T.* Regional Economic and Social Resilience: Conceptual Debate and Implications for Nordic Regions. Discussion paper prepared for Nordic thematic group for innovative and resilient regions. – Stockholm, 2018. – 32 p.

37. *Giannakis E., Bruggeman A.* Determinants of regional resilience to economic crisis: a European perspective // *European Planning Studies*. – 2017. – Vol. 28, No. 5. – P. 1–22. DOI: 10.1080/09654313.2017.1319464.

38. *Hassink R.* Regional resilience: a promising concept to explain differences in regional economic adaptability? // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. – 2010. – Vol. 3, No. 1. – P. 45–58. DOI: 10.1093/cjres/rsp033.

39. *Huggins R., Thomson P.* Local entrepreneurial resilience and culture: the role of social values in fostering economic recovery // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society.* – 2015. – Vol. 8, No. 2. – P. 313–330. DOI: 10.1093/cjres/rsu035.
40. *Klier T., Rubenstein J.* What role did regional policy play in addressing the US auto industry crisis? // *International Journal of Automotive Technology and Management.* – 2011. – Vol. 11, No. 2. – P. 189–204. DOI: 10.1504/IJATM.2011.039544.
41. *Kolko J., Neumark D.* Does local business ownership insulate cities from economic shocks? // *Journal of Urban Economics.* – 2010. – Vol. 67, No. 1. – P. 103–115. DOI: 10.1016/j.jue.2009.08.006.
42. *Kousis M., Paschou M.* Alternative forms of resilience: a typology of approaches for the study of citizen collective responses in hard economic times // *The Open Journal of Sociopolitical Studies.* – 2017. – Vol. 10, No. 1. – P. 136–168. DOI: 10.1285/i20356609v10i1p135.
43. *Lagravinese R.* Economic crisis and rising gaps North–South: evidence from the Italian regions // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society.* – 2015. – Vol. 8, No. 2. – P. 331–342. DOI: 10.1093/cjres/rsv006.
44. *Martin R., Sunley P.* On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation // *Journal of Economic Geography.* – 2015. – Vol. 15, No. 1. – P. 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015.
45. *Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P.* How regions react to recessions: resilience and the role of economic structure // *Regional Studies.* – 2016. – Vol. 50, No. 4. – P. 561–585. DOI: 10.1080/00343404.2015.1136410.
46. *Modica M., Reggani A.* Spatial economic resilience: overview and perspectives // *Networks and Spatial Economics.* – 2014. – Vol. 14, No. 2. – P. 211–233. DOI: 10.1007/s11067-014-9261-7.
47. *OECD Regional Outlook 2011: Building Resilient Regions for Stronger Economies.* – Paris: OECD Publishing, 2011. – 296 p. DOI: 10.1787/9789264120983-en.
48. *OECD Regional Outlook 2021: Addressing COVID-19 and Moving to Net Zero Greenhouse Gas Emissions.* – Paris: OECD Publishing, 2021. – 222 p. DOI: 10.1787/17017efe-en.
49. *OECD Regions and Cities at a Glance 2020.* – Paris: OECD Publishing, 2020. – 166 p. DOI: 10.1787/959d5ba0-en.
50. *Territorial Dynamics in Europe – Economic Crisis and the Resilience of Regions.* – ESPON. Territorial Observation No. 12. September 2014. – 22 p.
51. *Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 Crisis / Gaugitsch R. et al.* – European Union, 2020. – 71 p. DOI: 10.2863/112206.
52. *The Urban and Regional Dimension of the Crisis: Eighth Progress Report on Economic, Social and Territorial Cohesion.* – European Union, 2013. – 48 p. DOI: 10.2776/74866.

Информация об авторе

Кузнецова Ольга Владимировна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (119333, Москва, ул. Вавилова, 44, корп. 2). E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20220202

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 2 (114), p. 33–57

O.V. Kuznetsova

SPATIAL STRUCTURE OF THE ECONOMY TRANSFORMING DURING AND AFTER CRISES

The article is a scientific review to summarize the results of existing international and domestic studies on the development peculiarities and patterns typical of Russian regions during and after crises. It shows that the theoretical basis for studying this issue is the regional resilience concept, which has been rapidly evolving in foreign research since the 2010s, and analyzes its features in relation to regional growth theories and economic security studies. The factors influencing the regional resilience to economic crises are summarized as follows: features of the regional settlement system (urban to rural population ratio) and their place in the settlement system (position in relation to large urban agglomerations), the structure of regional economy (degree of its diversification, specialization, and employment structure), innovation potential and quality of human capital, cohesion of local communities, and quality of public administration. We discuss the stability of differences between regions in terms of their resilience, including how the features of regions' spatial development in the current COVID-induced crisis are compliant with previously identified patterns, as well as the negative consequences of crises as regional divergence and a reduced inclusiveness of economic growth. The article examines ways to transform the state policy of spatial development during crises and possibilities of managing regional resilience.

Keywords: regional resilience; settlement system; economic structure; human capital; governance quality; regional policy

For citation: *Kuznetsova, O.V. (2022). Transformatsiya prostranstvennoy struktury ekonomiki v krizisnye i postkrizisnye periody [Spatial structure of the economy transforming during and after crises]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (114), 33–00. DOI: 10.15372/REG20220202.*

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20-110-50501 “Spatial structure of the economy transforming during and after crises”

References

1. *Aganbegyan, A.G. (2020). Krizis kak okno vozmozhnostey dlya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Crisis as a window of opportunities for socio-economic development]. Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 223, 47–69. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-47-69.*
2. *Barinova, V.A. & S.P. Zemtsov. (2019). Inkluzivnyy rost i ustoychivost regionov Rossii [Inclusive growth and regional resilience in Russia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1, 23–36. DOI: 10.15372/REG20190102.*
3. *Zhikharevich, B.S., V.V. Klimanov & V.G. Maracha. (2020). Shokoustoychivost territorialnykh sistem: kontseptsiya, izmerenie, upravlenie [Resilience of the territory: concept, measurement, governance]. Regionalnye issledovaniya [Regional Research], 3, 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1.*
4. *Zemtsov, S.P. & A.A. Mikhaylov. (2021). Tendentsii i faktory razvitiya malogo i srednego biznesa v regionakh Rossii v period koronakrizisa [Trends and factors of development of small and medium-sized businesses in Russian regions during corona crisis]. Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Russian Economic Developments], Vol. 28, No. 4, 34–45.*
5. *Zubarevich, N.V. (2015). Regionalnaya proektsiya novogo ekonomicheskogo krizisa [Regional dimension of the new Russian crisis]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 4, 37–52. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-4-37-52.*
6. *Zubarevich, N.V. & S.G. Safronov. (2020). Regiony Rossii v ostroy faze koronavirusnogo krizisa: otlichiya ot predydushchikh ekonomicheskikh krizisov 2000-kh*

[Regions of Russia in the acute phase of the covid crisis: differences from previous economic crises of the 2000s]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 2, 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.

7. *Klimanov, V.V., S.M. Kazakova & A.A. Mikhaylova.* (2018). Regionalnaya rezilientsnost: teoreticheskie osnovy postanovki voprosa [Regional resilience: theoretical basics of the question]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], Vol. 13, No. 6, 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187.

8. *Klimanov, V.V., S.M. Kazakova & A.A. Mikhaylova.* (2019). Retrospektivnyy analiz ustoychivosti regionov Rossii kak sotsialno-ekonomicheskikh sistem [Retrospective analysis of the resilience of Russian regions as socio-economic systems]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 5, 46–64. DOI:10.32609/0042-8736-2019-5-46-64.

9. *Koksharov, V.A., D.G. Sandler, P.D. Kuznetsov, A.V. Klyagin & O.V. Leshukov.* (2021). Pandemiya kak vyzov razvitiyu seti vuzov v Rossii: differentsiatsiya ili kooperatsiya? [The Pandemic as a Challenge to the Development of University Networks in Russia: Differentiation or Collaboration?]. *Educational Studies Moscow*, 1, 52–73. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-52-73.

10. *Kolomak, E.A.* (2020). Ekonomicheskie posledstviya COVID-19 dlya regionov Rossii [Economic consequences of COVID-19 for Russia's regions]. *EKO* [ECO], 12, 143–153. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-12-143-153.

11. *Romanova, T.A.* (Ed.). (2019). Kontseptsiya stressoustoychivosti Evropeyskogo soyuza: artikulyatsiya i ee posledstviya dlya Rossii [The “Resilience” Concept of the European Union: Articulation and Its Implications for Russia]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 312.

12. *Matveeva, E.V., E.V. Goosen, S.M. Nikitenko & A.A. Mitin.* (2020). Indikatory stressoustoychivosti Kuzbassa v usloviyakh pandemii 2020 g. (na materialakh ekspertnykh otsenok) [Resilience indicators of Kuzbass in the context of the 2020 pandemic (based on expert interviews)]. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Transbaikal State University], Vol. 26, No. 7, 86–96. DOI: 10.21209/2227924520202678696.

13. *Minakir, P.A.* (2020). Ekonomika pandemii: dalnevostochnyy aspekt [The economy of the pandemic: a Far Eastern Russian aspect]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 16, No. 4, 7–22. DOI: 10.14530/se.2020.4.007-022.

14. *Mikheeva, N.N.* (2016). Diversifikatsiya struktury regionalnogo khozyaystva kak strategiya rosta: za i protiv [The diversification of regional economic structure as a growth strategy: pros and cons]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (92), 196–217. DOI: 10.15372/REG20160409.

15. *Mikheeva, N.N.* (2021). Ustoychivost rossiyskikh regionov k ekonomicheskim shokam [Resilience of Russian regions to economic shocks]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 1, 116–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118.

16. *Mikheeva, N.N.* (2019). Ekonomicheskaya dinamika rossiyskikh regionov: krizisy i puti vosstanovleniya rosta [Economic dynamics of Russian regions: crises and ways of restoring growth]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (102), 56–79. DOI: 10.15372/REG20190203.

17. *Odintsova, A.V.* (2020). Ot strategicheskogo planirovaniya k territorialnoy rezilientnosti [From strategic planning to territorial resilience]. Federalizm [Federalism], Vol. 25, No. 4 (100), 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41.

18. *Fedorov, G.M.* (Ed.). (2019). Problemy ekonomicheskoy bezopasnosti regionov Zapadnogo porubezhya Rossii [Problems of Economic Security in the Regions of the Western Frontier of Russia]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 267.

19. *Khramova, M.N. & S.V. Ryazantsev.* (2021). Reaktsiya rossiyskogo rynka truda na «pervuyu» i «vtoruyu» volny pandemii COVID-19 [Response of the Russian labor market to the “first” and “second” waves of the COVID-19 pandemic]. Nauchnoe obozrenie. Ser. 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1: Economics and Law], 3, 61–73. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-3-05.

20. *Boschma, R.* (2015). Towards an evolutionary perspective on regional resilience. Regional Studies, Vol. 49, No. 5, 733–751. DOI: 10.1080/00343404.2014.959481.

21. *Brakman, S., H. Garretsen & C. van Marrewijk.* (2015). Regional resilience across Europe: on urbanisation and the initial impact of the great recession. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 8, 225–240. DOI: 10.1093/cjres/rsv005.

22. *Bristow, G. & A. Healy.* (2018). Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis. The Annals of Regional Science, Vol. 60, No. 5, 265–284. DOI: 10.1007/s00168-017-0841-6.

23. *Bristow, G. & A. Healy.* (2014). Regional resilience: an agency perspective. Regional Studies, Vol. 48, No. 5, 923–935. DOI: 10.1080/00343404.2013.854879.

24. *Capello, R. & A. Caragliu.* (2021). Regional growth and disparities in a post-COVID Europe: a new normality scenario. Journal of Regional Science, May, 1–18. DOI: 10.1111/jors.12542.

25. *Capello, R., A. Caragliu & U. Fratesi.* (2015). Spatial heterogeneity in the costs of the economic crisis in Europe: are cities sources of regional resilience? Journal of Economic Geography, Vol. 15, No. 5, 951–972. DOI: 10.1093/jeg/lbu053.

26. *Cotella, G. & E. Vitale Brovarone.* (2020). Questioning urbanisation models in the face of Covid-19. Tema. Journal of Land Use, Mobility and Environment. Spec. Iss.: COVID-19 vs CITY-20, 105–118. DOI: 10.6092/1970-9870/6869.

27. *Cuadrado-Roura, J.R. & A. Maroto.* (2016). Unbalanced regional resilience to the economic crisis in Spain: a tale of specialisation and productivity. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, Vol. 9, No. 1, 153–178. DOI: 10.1093/cjres/rsv034.

28. *Davis, S., S. Kah & C. Woods.* (2010). Regional Dimensions of Financial and Economic Crisis. European Policy Research Paper, No. 70. Glasgow, 66.

29. Di Caro, P. & U. Fratesi. (2018). Regional determinants of economic resilience. *The Annals of Regional Science*, Vol. 60, No. 2, 235–240. DOI: 10.1007/s00168-017-0858-x.

30. Dijkstra, L., E. Garcilazo & P. McCann. (2015). The effects of the global financial crisis on European regions and cities. *Journal of Economic Geography*, Vol. 15, No. 5, 935–949. DOI: 10.1093/jeg/lbv032.

31. Diodato, D. & A.B.R. Weterings. (2015). The resilience of regional labour markets to economic shocks: exploring the role of interactions among firms and workers. *Journal of Economic Geography*, Vol. 15, No. 4, 723–742. DOI:10.1093/jeg/lbu030.

32. *Economic Crisis: Resilience of Regions*. Scientific Report. (2014). ESPON 2013 Programme. ESPON & Cardiff University, 280.

33. Eriksson, R. & E. Hane-Weijman. (2017). How do regional economies respond to crises? The geography of job creation and destruction in Sweden (1990–2010). *European Urban and Regional Studies*, Vol. 24, No. 1, 87–103. DOI: 10.1177/0969776415604016.

34. *EU Annual Regional and Local Barometer*. 2020. (2020). Brussels, 142. DOI: 10.2863/76115.

35. Florida, R., A. Rodríguez-Pose & M. Storper. (2021). Cities in a post-COVID world. *Urban Studies*, June, 1–23. DOI: 10.1177/00420980211018072.

36. Giacometti, A., J. Teräs, L. Perjo, M. Wøien, H. Sigurjonsdottir & T. Rinne. (2018). *Regional Economic and Social Resilience: Conceptual Debate and Implications for Nordic Regions*. Discussion paper prepared for Nordic thematic group for innovative and resilient regions. Stockholm, 32.

37. Giannakis, E. & A. Bruggeman. (2017). Determinants of regional resilience to economic crisis: a European perspective. *European Planning Studies*, Vol. 28, No. 5, 1–22. DOI: 10.1080/09654313.2017.1319464.

38. Hassink, R. (2010). Regional resilience: a promising concept to explain differences in regional economic adaptability? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, Vol. 3, No. 1, 45–58. DOI:10.1093/cjres/rsp033.

39. Huggins, R. & P. Thomson. (2015). Local entrepreneurial resilience and culture: the role of social values in fostering economic recovery. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, Vol. 8, No. 2, 313–330. DOI: 10.1093/cjres/rsu035.

40. Klier, T. & J. Rubenstein. (2011). What role did regional policy play in addressing the US auto industry crisis? *International Journal of Automotive Technology and Management*, Vol. 11, No. 2, 189–204. DOI: 10.1504/IJATM.2011.039544.

41. Kolko, J. & D. Neumark. (2010). Does local business ownership insulate cities from economic shocks? *Journal of Urban Economics*, Vol. 67, No. 1, 103–115. DOI: 10.1016/j.jue.2009.08.006.

42. Kousis, M. & M. Paschou. (2017). Alternative forms of resilience: a typology of approaches for the study of citizen collective responses in hard economic times. *The Open Journal of Sociopolitical Studies*, Vol. 10, No. 1, 136–168. DOI: 10.1285/i20356609v10i1p135.

43. *Lagravinese, R.* (2015). Economic crisis and rising gaps North–South: evidence from the Italian regions. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, Vol. 8, No. 2, 331–342. DOI: 10.1093/cjres/rsv006.

44. *Martin, R. & P. Sunley.* (2015). On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation. *Journal of Economic Geography*, Vol. 15, No. 1, 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015.

45. *Martin, R., P. Sunley, B. Gardiner & P. Tyler.* (2016). How regions react to recessions: resilience and the role of economic structure. *Regional Studies*, Vol. 50, No. 4, 561–585. DOI: 10.1080/00343404.2015.1136410.

46. *Modica, M. & A. Reggani.* (2014) Spatial economic resilience: overview and perspectives. *Networks and Spatial Economics*, Vol. 14, No. 2, 211–233. DOI: 10.1007/s11067-014-9261-7.

47. *OECD Regional Outlook 2011: Building resilient regions for stronger economies.* (2011). Paris, OECD Publishing, 296. DOI: 10.1787/9789264120983-en.

48. *OECD Regional Outlook 2021: Addressing COVID-19 and Moving to Net Zero Greenhouse Gas Emissions.* (2021). Paris, OECD Publishing, 222. DOI: 10.1787/17017efe-en.

49. *OECD Regions and Cities at a Glance 2020.* (2020). Paris, OECD Publishing, 166. DOI: 10.1787/959d5ba0-en.

50. *Territorial Dynamics in Europe – Economic Crisis and the Resilience of Regions.* (2014). ESPON. Territorial Observation No. 12. September, 22.

51. *Gaugitsch R. et al.* (2020). Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 crisis. European Union, 71. DOI: 10.2863/112206.

52. *The Urban and Regional Dimension of the Crisis.* Eighth Progress Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. (2013). European Union, 48. DOI: 10.2776/74866.

Information about the author

Kuznetsova, Olga Vladimirovna (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Federal Research Center “Informatics and Control”, Russian Academy of Sciences (44-2, Vavilov st., Moscow, 119333, Russia). E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru.

Поступила в редколлегию 07.08.2021.

После доработки 01.10.2021.

Принята к публикации 06.10.2021.

© Кузнецова О.В., 2022